

Смирнова Ирина Юрьевна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории религии и Церкви, Институт российской истории РАН*

Адрес: 117036 Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Конфессиональная политика великих держав на христианском Востоке в 50–60-е гг. XIX в.*

В статье на материалах российских и зарубежных архивов рассмотрены цели и методы работы католических и протестантских миссионеров на христианском Востоке в контексте конкуренции великих держав в середине XIX в. Особое внимание уделено деятельности британских и французских дипломатов в Османской империи, использовавших миссионерское движение в качестве одного из эффективных инструментов внешней политики. Изучение аналитических обзоров российских дипломатов, представленных в Министерство иностранных дел, позволяет заключить, что ключевая роль в европейской дипломатии на Ближнем Востоке в середине XIX в. принадлежала британскому послу при Порте сэру Стрэтфорду Каннингу, который, оценив значение конфессионального фактора на христианском Востоке, действовал преимущественно по церковным каналам. Возглавляемая им британская консульская сеть в Османской империи по организации и эффективности работы во многом превосходила систему российских дипломатических представительств. Были рассмотрены также принципы и подходы таких известных миссионеров на христианском Востоке, как епископ Самуил Гобат, пастор Джон Хилл, Латинский Патриарх Джузеппе Валерга, цель которых заключалась в продвижении политических интересов своих держав, и главным средством для ее достижения служило школьное образование православного населения под руководством инославных миссионеров. Ответом России на миссионерскую активность западных держав стало развитие русского церковного и дипломатического присутствия в регионе.

Ключевые слова: миссионерское движение, англо-прусская епископия в Иерусалиме, Латинский Патриархат в Иерусалиме, посольства Великобритании и Франции в Константинополе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-61-01005.

Говоря о *конфессиональной политике* великих держав, мы имеем в виду использование в их дипломатии церковных и миссионерских каналов. На протяжении веков европейские государства использовали религиозные миссии в качестве одного из наиболее эффективных инструментов для продвижения своих политических и коммерческих интересов. Не являлась исключением политика великих держав и в XIX в., который Хэлфорд Джон Маккиндер расценивал как «великую историческую эпоху». При этом первостепенную роль британский геополитик отводит миссионерам, чья деятельность предшествовала процессам колонизации европейцами тех или иных регионов: «Миссионер, завоеватель, фермер, горнопромышленник и, наконец, инженер шли буквально по следам путешественников, вот почему можно с уверенностью сказать, что мир в своих самых отдаленных пределах был открыт уже до того, как мы стали говорить о его фактическом политическом освоении» (Маккиндер, 2000. С. 723-737).

Серьезная конкурентная борьба за политическое влияние и преобладание велась между Францией, Великобританией и Россией в странах пост-византийского пространства — в Османской империи (Сирии, Палестине, Египте, на Балканах), в Греции, что приводило к крупным геополитическим конфликтам. Изучение предпосылок Крымской войны убеждает в том, что важным фактором в дипломатии ведущих держав служила их конфессиональная политика — установление церковно-миссионерского присутствия в странах Средиземноморья, прозелитизм среди православного населения восточных патриархатов, ослабление авторитета православной Российской империи с целью вытеснения России из ближневосточного региона.

Каждая из держав опиралась на определенные слои населения: Россия претендовала на покровительство православным подданным Османской империи, составлявшим паству восточных патриархатов; Франция оказывала дипломатический протекторат католикам и униатам; Великобритания (совместно с Пруссией), не имея на Ближнем Востоке приверженцев протестантизма, пошла на создание в Иерусалиме протестантской епископии. Целью этого шага было искусственное формирование протестантского сообщества, на которое британская дипломатия могла бы распространить свой протекторат.

Предполагалось, что юрисдикция так называемого иерусалимского *бишоприка* распространится на весь Ближний Восток. «Можем ли мы не устанавливать протестантский епископат в Иерусалиме и не дать ему юрисдикцию над всем Левантом, Мальтой и какими-либо капелланствами, возможно, на берегу Африки?» (Tibawi, 1961 P. 36) — писал в своем дневнике еще 8 октября 1838 г. лорд Эшли, впоследствии граф Шефтсбери, зять Пальмерстона и один из руководителей Лондонского миссионерского общества.

В 1841 г. эта мысль была реализована на практике учреждением в Иерусалиме англикано-лютеранской епископии. Ее первому епископу, Михаилу Соломону Александеру, предписывалось «возглавить английское духовенство и конгрегацию в Сирии, Халдее, Египте и Абиссинии и другие такие протестантские объединения, которые могут образоваться в будущем под его епископской заботой и быть приняты в общение с его Церковью, направлять усилия в этих странах для обращения иудеев и установить дружеские отношения с епископатами древних церквей Востока»¹.

Ни у кого не вызвали сомнений мотивы устремлений лорда Пальмерстона, горячо поддержавшего иерусалимский проект. По словам Шефтсбери, он «действовал с апостольской ревностью», но при том «ничего не понимал

в теологии и не смог бы отличить пророка Моисея от Сиднея Смита» (*Tibawi, 1961 P. 46*). Французский консул в Иерусалиме граф де Лантиви информировал в 1844 г. министра иностранных дел Ф. Гизо, что «агликанцы предпринимают многочисленные усилия, которые до сих пор не принесли плодов, с тем чтобы создать английскую нацию посредством перемены религии жителей» (*Барталь, 1998. С. 41*). А спустя еще несколько лет А.Н. Муравьев, посетивший Восток в 1849 г., заметил, что «англичанам не столько нужно обращения, сколько целая народность, чтобы на ней основать свои права и требования у правительства турецкого» (*Муравьев, 1914. С. 29–30*).

О работе британских дипломатов на христианском Востоке можно судить по деятельности британского посла в Константинополе сэра Стрэтфорда Каннинга, который использовал все возможные рычаги давления на Блистательную Порту ради продвижения британских интересов.

Путем подкупа и интриг Каннинг способствовал избранию на влиятельные посты нужных ему лиц. Так, с его подачи начинается карьерный рост Решида-паши², «отца» реформ танзимата: летом 1845 г. он становится министром иностранных дел Османской империи; в сентябре 1846 г. – великим визирем; в 1853 г. снова занимает пост министра иностранных дел, проводя вместе с Каннингом антироссийскую политику, а по окончании войны, в 1856-м, вновь был назначен великим визирем. Этим обусловлено наступление нового этапа британского дипломатического влияния, соответственно, повышались и шансы расширения британского церковного присутствия в турецких вилайетах.

Сэр Каннинг пытался проводить антироссийскую политику в Турции и посредством влияния на избрание Константинопольского Патриарха как духовного главы многочисленного православного сообщества. Угрозы со стороны британского посольства держали константинопольских владык в постоянном страхе быть заподозренными в симпатиях к России (*Смирнова, 2015. С. 316*).

Так, в канун Крымской войны 24 сентября 1853 г. на Патриарший престол был возведен Анфим VI³. Именно он подписал адрес на имя султана с выражением подчинения и преданности, за что получил репутацию предателя в собственном клире и пастве (*Jomini, 1882. P. 450–451*). В 1857 г., когда встал вопрос о смещении очередного, нерешительного и слабого Кирилла VII⁴, Анфим снова стал одним из претендентов на престол. Характеризуя его как «нелюбимого и ослабившегося взяточничеством», архимандрит Феофан (Говоров), в то время настоятель церкви при российском посольстве в Константинополе, писал: «Ищет прежний Анфим. Редклиф с визирем готовы содействовать ему» (*Феофан, 1895. С. 57*).

Роль британского посольства в вопросе избрания Патриарха отмечал и посланник в Константинополе А.П. Бутенев, который информировал МИД о предвыборных делах в Константинополе:

«единственными кандидатами на это звание провозглашались бывшие уже патриархами Григорий [VI] и Анфим [VI]. Первый сменен был лет 18 назад, по настойчивому требованию английского правительства; последний был ближайшим предшественником нынешнего Патриарха, а в последнее время доверенным человеком лорда Редклиффа и отъявленным доброжелателем Англии. Говорили, что он действует подкупом на турецких министров и, обогатившись не совсем законными средствами, может более, чем другие, способствовать к достижению Патриаршего сана»⁵.

В то же время Каннинг решительно выступал за права христиан на Востоке. Так, в аугсбургской газете *Allgemeine Zeitung* за 1851 г. появилась статья, в которой перечислены деяния Каннинга как защитника христиан⁶.

«Все, кто нуждается в защите, в посредничестве, в расположении британского посла для себя или для других, кто просит его расположения для угнетенных, для преследуемых, кто терпит издевательства, — словом, для несчастных, — все они признают в характере сэра Каннинга чувства человеколюбия такие живые, такие настоящие, такие теплые, какими ни один дипломат не может похвалиться»⁷.

В статье приводились факты, напоминавшие о том, как еще в 1840-е гг. посол, «несмотря на ненависть, в которой поклялся ему Риза-паша, несмотря на неприязнь турецких министров», добивался решений Порты в защиту христиан Турции⁸.

«Когда английская политика, — говорится в статье, — вовлекла сэра Каннинга в сирийский вопрос, Порта под его давлением вынуждена была принять энергичные меры, чтобы защитить этих христиан от албанских убийц. Она достаточно сурово покарала эти ужасные разбойничьи банды, введя призыв на военную службу, вследствие которой тысячи этих неукротимых бродяг были привезены в Константинополь, связанные, оторванные от родных мест, одетые в тесную одежду, после того, как они получили, согласно Кодексу Низама*, град ударов палками»⁹.

(Здесь речь идет о событиях 1844–1845 гг., когда по всей Османской империи во время первого Патриаршества Германа IV (12 июня 1842 — 18 апр. 1845) имели место многочисленные убийства православных греков и др. христиан мусульманами, недовольными принятием Гюльханейского хатти-шерифа (1839), формально признававшего равенство всех подданных султана независимо от вероисповедания).

В той же статье упоминался и другой этнорелигиозный конфликт, во время которого ассирийские несториане подверглись жестокому избиению со стороны курдов в провинции Джуламерк¹⁰, одном из наиболее удаленных вилайетов Османской империи на границе с Персией. Здесь также не обошлось без дипломатического вмешательства Каннинга. И хотя жестокость курдов против христианского населения Джуламерка из-за беспомощности Порты осталась безнаказанной, тем не менее *Allgemeine Zeitung* утверждала, что

«по решительной просьбе сэра Каннинга несторианам было позволено вернуться в их прежние жилища, Патриарх был восстановлен в своем сане, и, согласно последним новостям, пришедшим из Эрзерума, Баидер Шан выпустил на свободу большинство детей несториан, которые были похищены и силой обращены в магометанство»¹¹.

В сферы деятельности сэра Каннинга входила и дипломатическая поддержка иерусалимской епископии. В результате его трудов в Константинополе Самуил Гобат был официально признан «английским протестантским

* Низамы Шамиля — «строй, порядок»; кодекс законодательных установлений по различным вопросам на основе норм шариата. Всего известно 14 низамов имама Шамиля.

епископом в Иерусалиме». Но наиболее важным итогом почти десяти-летних усилий британского посла было издание в ноябре 1850 г. фирмана о признании за протестантами тех же прав, которыми пользовались остальные туземные христианские общины Оттоманской империи. Долгожданный фирман, утвердивший протекторат Великобритании протестантам в Турции, развязал руки Гобату и протестантским миссионерам, которые могли обещать православным арабам и славянам, перешедшим в протестантизм, покровительство британского консульства. Тем самым был открыт путь протестантскому прозелитизму на христианском Востоке.

Еще при своем посвящении Гобат торжественно заявил, что «одна только Англиканская Церковь может вдохнуть новый дух в пришедшую в упадок и безжизненность Восточную Церковь» (Хитрово, 2011. С. 177). Признавая восточные церкви «сбившимися с пути; заблудшими, пребывавшими в глубоком духовном сне», он пришел к убеждению, что православных «следовало пробудить и возвратить к истинной и чистой вере, а именно евангельской вере, которая основана единственно на Библии как единственном авторитете веры» (Frarah, 2005. P. 729).

Гобат настаивал на том, что «прием обращающихся в протестантство, даже православных, есть прямая его обязанность как протестантского епископа» (Хитрово, 2011. С. 141). Этими установками он руководствовался в своем новом служении, они превратились в принцип действия по отношению к древним патриархатам Востока (Williams, Willis, 1849. P. 614). Гобат стремился объединить под своим руководством всех протестантских миссионеров в Сирии и Палестине, а устроенный им Мальтийский колледж, «несмотря на то, что был учрежден при епископальной поддержке и по епископальному указу, объединял в себе представителей всех протестантских деноминаций и сект» (Williams, Willis, 1849. P. 617). Действия епископа отнюдь не противоречили тем установкам, которые, в соответствии с концепцией Эшли-Пальмерстона, лежали в основе учреждения протестантской епископии, призванной любой ценой приумножать протестантскую общину за счет местного населения, невзирая на различия в их верованиях.

Деятельность Гобата получила признание американских миссионеров, справедливо воспринявших учреждение епископской кафедры в Иерусалиме как «еще один центр протестантского влияния»¹². Центральную роль в продвижении англо-американского церковного и политического влияния на Ближнем Востоке американские миссионеры отводили британскому послу в Константинополе.

Успех британской дипломатии при Порте во многом объяснялся наличием развитой консульской структуры в Османской империи, благодаря которой британский посол был всегда хорошо информирован и мог следить за ситуацией в самых глухих турецких вилайетах. При содействии британского посольства в Константинополе и консульств на местах миссионеры Гобата практически беспрепятственно трудились в самых удаленных уголках империи. Так, в Диарбекире, как сообщалось в послании митрополита Амидского Макария (Шаммана), «враги, будучи многочисленны и сильны, действуя приманкою богатства, рассевая даром книги лжеучения, предлагая гражданское покровительство и употребляя все возможные средства к совращению слабейших, успевают к худшему, заблуждаясь и вводя других в заблуждение» (Макарий, 2008. С. 229).

В этом отношении Россия значительно отставала от Великобритании и Франции, что отмечали и российские дипломаты. В частности,

А.Г. Влангали в качестве главных причин утраты русского влияния на Востоке называл «отсутствие прямых сношений России с различными частями Оттоманской империи, неимение в оных политических и торговых агентов, недостаток нашей представительности на Востоке». Автор обвиняет правительство в том, что из боязни излишних расходов оно «не озабочивалось хорошим выбором агентов при их назначении и не подготавливало на то людей»¹³, полагая, что русское влияние в Сирии и Египте целиком зависит от посольства в Константинополе.

Россия, считавшая себя великой державой и защитницей православия, по мнению Влангали, «имела до настоящего времени на Востоке, где узел наших религиозных интересов, почти такое же число агентов, как малые европейские государства; действия же ее были робки, как бы боясь, чтобы не подавать повод к неудовольствию другим первоклассным державам»¹⁴. И здесь Россия уступала как Англии, «которая умеет везде поставить полезных и национальных агентов», так и Франции, которая «подвергала своих агентов строгому выбору, начала готовить к тому людей, обращать внимание на их вероисповедание и убедилась, что тогда только она действительно покровительница католицизма на Востоке, когда назначения агентов не падали на лица другого вероисповедания»¹⁵. Огромным упущением считал Влангали отсутствие консульств в столь важных городах Сирии, как Дамаск или Алеппо.

Другим распространенным приемом британской дипломатии было блокирование любых российских инициатив, в том числе при учреждении консульских постов. Другой российский эксперт, барон Н.Е. Торнау, подчеркивал, что Англия там, где «не успевала укреплять окончательно своего влияния, старалась прежде всего уничтожить влияние русских агентов»¹⁶. Британские агенты «везде следили за действиями русской политики на Востоке» для того, чтобы «парализовать или уничтожить вовсе вновь народившееся влияние наше». Для достижения этой цели, по словам Торнау, «все средства подручны англичанам, и там, где недостаточно действует золото их, действуют заговоры, клевета, устрашение и лишение»¹⁷.

Действия российской дипломатии, при отсутствии какого-либо долгосрочного курса и четко очерченных задач, сводились преимущественно к тому, чтобы не раздражать и не огорчать британских «коллег». Англофильская тактика высших правительственных кругов в предкрымский период наносила непоправимый вред российским интересам.

Под патронатом Стрэтфорда Каннинга и Самуила Гобата действовали в Святой Земле и американские миссионеры, преследуя аналогичные политические цели. Деятельность американских миссионеров, как отмечал Н.А. Халфин, «имела большое значение для подготовки проникновения дельцов и политиков Соединенных Штатов в эти районы» (*Халфин, 1958. С. 92*). Первые проповедники американского «Общества иностранных миссий» трудились в странах Леванта с 20-х годов XIX в. Школа, открытая ими в Бейруте в 1830-х гг., через тридцать лет была преобразована в Сирийский протестантский колледж, где «готовили американских агентов и культивировали среди арабов “добрые чувства” к Соединенным Штатам» (*Халфин, 1958. С. 98*), а тот, в свою очередь, в университет¹⁸. В различных районах Сирии миссионерами создавались свои опорные пункты.

Принципы работы американских миссионеров в различных провинциях Османской империи можно проследить по деятельности их в Греции, где

на протяжении почти 50 лет трудился пастор Джон Генри Хилл. Методы работы Хилла и его сотрудников из Миссионерского общества Протестантской Епископальной Церкви в Соединенных Штатах Америки в Греции наилучшим образом характеризуют деятельность представителей Американской Епископальной Церкви на христианском Востоке.

В официальной инструкции миссионерам говорилось, что они «должны быть агентами Церкви, работающими совместно под ее руководством как для обращения язычников (законное поле для прозелитизма), так и для возрождения и продвижения чистой и неоскверненной религии среди древних церквей Востока» (*Hill, 1863. P. 162*). «Последнее, — как подчеркивал известный американский миссионер пастор Хилл, — было нашей специальной миссией» (*Ibid*). Под покровительством греческого правительства американцы создали по всей Греции сеть начальных учебных заведений, в которых вместе с начальными предметами и изучением Священного Писания распространяли протестантские идеи и подвергали критике православное учение.

В 1840 г. с теми же целями сотрудники Хилла Робертсон и Горацио Саутгейт были направлены в Константинополь для переговоров с Константинопольским Патриархом. Они вручили послание североамериканских епископов на имя Патриарха Вселенского¹⁹ с предложением о взаимном сотрудничестве с православным духовенством в деле воспитания и образования их паствы. По поводу их визита наш архимандрит Порфирий (Успенский) в 1843 г. заметил, что «епископальные общины в Англии и Америке мучаются каким-то беспокойством, недовольны своим отщепенством и ххпод видом духовного общения замышляют вовлечь в свои сети православные народы» (*Порфирий, 1894. С. 134–135*).

Значительно позже, уже в 1867 г., архимандрит Антонин (Капустин) писал об англиканских миссионерах в Сирии и Палестине, что они «подкупают самым бессовестным – и развращают самым безжалостным образом бедное население арабское»²⁰. В одном из писем Антонин отметил свойственное русским дипломатам «сочувствие к протестантам, подкапывающимся под самые основы Церкви нашей»²¹.

Помимо духовного вреда восточному православию деятельность протестантских миссионеров имела важные политические последствия, что со всей очевидностью прослеживается по их действиям в Греции. Так, кульминацией последовательной и целенаправленной миссионерской работы пастора Хилла стало избрание на православный престол Королевства Греции датского принца-лютеранина. Избрание короля Георга I²² произошло вопреки содержанию знаменитой сороковой статьи греческой конституции 1844 г., согласно которой правитель Греции должен быть православного вероисповедания²³. Отступление от этого правила Хилл назвал событием «по-настоящему чудесным».

Знаменитый миссионер с гордостью признавался, что «столь разительная перемена в общественном мнении» была обусловлена не чем иным, как «безмолвным (*silent*) влиянием [американской] миссии в Греции в течение последних тридцати лет» и тем эффектом, который имели общественные богослужения Американской Церкви, вызывавшие сначала недоумение и вопросы, но со временем пробудившие уважение к протестантскому учению (*Hill, 1863. P. 164*). Последнее заключение, сделанное миссионером с тридцатилетним стажем, не позволяет усомниться в политическом аспекте «дружелюбных отношений» двух Церквей.

Об итогах миссионерской работы протестантских миссионеров под руководством Самуила Гобата можно сказать следующее.

За несколько десятилетий в Святой Земле практически с нуля была создана значительная протестантская община. Если в начале деятельности Гобата в Иерусалиме было около 60 протестантов, то в 1875 г. число протестантов в Иерусалиме доходило до 500, а в 1880 – до 750 человек (*Хитрово, 2011. С. 217*). Всего же в Святой Земле к 1880 г. насчитывалось до 2000 протестантов. В основанных там школах воспитывалось и обучалось до 1300 детей, что позволяло протестантам, по мнению В.Н. Хитрово, «спокойно выжидать будущее в полной уверенности, что посеянное ими принесет вторичные плоды в следующем поколении» (*Ibid*). В учрежденных многочисленных научных обществах и экспедициях, по убеждению Хитрово, также «главную роль играла политическая подкладка» (*Хитрово, 2011. С. 163*).

Аналогичного мнения придерживались другие исследователи. Так, Д.В. Путята и А.М. Колюбакин показали, что школьное дело, провозглашавшееся первостепенным везде, где появлялись американские проповедники, являлось лишь инструментом для достижения «главным образом пропагандистских целей» (*Колюбакин, 1887. С. 108*).

Статистические сведения о деятельности американских миссионеров в Османской империи, приведенные полковником Путятой в его «Записке о Малой Азии», убеждали в том, что «в будущем развитие протестантской проповеди обещает следовать в усиленной прогрессии». По мнению автора, цель миссионеров состояла в том, «чтобы влияние прошедших их школу распространилось возможно шире по стране. Последним соображением должно объяснить и кажущуюся разбросанность американских учреждений, которые не сосредоточены в одном-двух пунктах, но рассеяны по всей Азиатской Турции» (*Путята, 1896. С. 37–43*).

Не менее энергично действовали в Святой Земле и католические миссионеры под управлением Латинского Патриарха в Иерусалиме Джузеппе Валерги. Избранный на этот пост практически одновременно с Гобатом, в 1847 г., Валерга преследовал не менее масштабные цели – укрепление позиций католицизма и противодействие влиянию России, Англии и Германии. С патриаршеством Валерги связано создание комплексной инфраструктуры католических учреждений в Сирии и Палестине. Прозелитизм английского епископа Самуила Гобата среди католиков и православных не только привел Валергу к убеждению, что «англичане равно страшны и православным, и римлянам» (*Муравьев, 1914. С. 28*), но и вынудил его действовать теми же методами.

Патриарх Валерга, планировавший организовывать во всех католических приходах школы для мальчиков, начал свою деятельность в Святой Земле не с Иерусалима, где строительство школ, госпиталя и сиротского дома началось только в 1852 г.²⁴, а с удаленного и уединенного православного поселения Бейт-Джалы. «Когда Иерусалим будет заключен в тесный круг латинских общин, – рассуждал он, – когда эти общины, постепенно расширяясь, будут стеснять этот круг, тогда Иерусалим должен будет, в конце концов, сделаться латинским» (*Титов, 1902. С. 40*).

К концу столетия речь шла уже не только о Святом Граде, а о Ближнем Востоке в целом. «Этот Восток в большей части есть мусульманский или схизматический, – заявлял аббат Лавижери, товарищ председателя Общества школ Востока, – его следует вновь сделать католическим, каковым он был в первые века нашей эры». По мнению вдохновителей восточной

политики Римского престола, так называемое *духовное завоевание Востока* «составляло предприятие более обширное и прекрасное, чем древние крестовые походы» (*Безобразов, 1909. С. 405*).

Латинский Патриарх в Иерусалиме Дж. Валерга, пользовавшийся поддержкой Пия IX и императора Франции, был признан главой всех католических общин (*Титов, 1902. С. 38–39*). В 1855 г. у него появилась сильная поддержка в лице Альфонса Марии Ратисбонна, ревностного миссионера, находившегося в родстве с Ротшильдами. В 1856 г. он основал монастырь сестер Сиона на Крестном пути, известный под названием Ессе Номо, а впоследствии развернул широкую благотворительную деятельность. Под руководством Валерги трудились опытные миссионеры из разных монашеских и полумонашеских орденов, а также белое духовенство (*Дмитревский, 1898. С. 668–669*), в числе которых были французы, итальянцы, испанцы, далматинцы и греки-униаты (*Аничкова, 1906. С. 354*). В 1857 г. в Иерусалим по приглашению Патриарха Валерги приехали сестры св. Иосифа, которые создали целую сеть крупных школ в Иерусалиме, Вифлееме, Бейт-Джале, Яффе, Рамле и Рамалле, а также по всей Сирии (*Попов, 1890. С. 743*). В их ведении состоял также муниципальный госпиталь в Иерусалиме и больница в Яффе (*Аничкова, 1906. С. 356*). Женскими школами для подготовки туземных учительниц, а также женскими больницами занимались монахини ордена Назаретских сестер. Как и протестантские миссионеры, католики создавали передвижные станы и миссионерские станции, проповедовали, открывали школы и создавали приходы. Французская дипломатия (посол в Константинополе, консулы в Иерусалиме и других городах Сирии и Палестины) делали все возможное, чтобы правдами и неправдами добиваться нужных султанских фирманов в пользу католиков. Аналогичные меры предпринимались не только в Святой Земле, но и в других провинциях Османской империи.

В фондах Санкт-Петербургского Главного архива внешней политики Российской империи отложилась переписка российских дипломатов по вопросу о причастности французских дипломатов к распространению католицизма в Болгарии, Молдавских княжествах, Бессарабии, Сербии и в целом на Балканах (см. Приложение).

Еще до Крымской войны в Азиатский департамент МИДа поступали донесения из константинопольского посольства о массовых переходах православных славян под омофор Папы Римского. Так, посланник В.П. Титов сообщал в конце 1844 г., что в Филлиполе проживают 6000 павликиан (болгары-католики), которые имеют двух священников капуцинского ордена, и еще девять других священников-европейцев служат в селах. И их число возрастает, так как «павликиане обратили к себе многих из наших единоверцев как людей простых и неграмотных». В связи с этим в Константинополе был исходатайствован фирман «об открытии в здешних местах училищ, и из Парижа обещали выслать учителей для юношества и нескольких монахинь для обучения женского пола»²⁵. К концу 1847 г. в Филлиполе и его окрестностях было уже около 7 тысяч болгар-католиков (6865 человек), 7 церквей и 13 итальянских священников из ордена капуцинов, назначенные из Рима²⁶.

После заключения Парижского мира и особенно после Сирийского восстания 1860 г. католическое влияние в вилайетах Османской империи значительно возросло. Причины заключались прежде всего в греческом национализме, или, по словам игумена Болгарского Добровецкого монастыря

архимандрита Нафанаила, в «злоупотреблениях и страстях цареградского патриаршества и его архиереев-греков между болгарским народом, которые вывели уже сей народ из терпения»²⁷. Были претензии со стороны болгар и к российской дипломатии. Как писал тот же архимандрит, «русское константинопольское министерство действует более в пользу фанариотов, а противодействует своим единоплеменным братьям». Все это приводило к тому, что отчаявшиеся православные болгары принимали католичество или протестантство.

Обращение болгарского архимандрита, напомнившего, что «покойный государь Николай Павлович в последнем своем политическом начинании одну из главных целей своих имел ограничить сие турецко-характерное цареградское духовенство», обратило на себя внимание Азиатского департамента, издавшего в ответ на обращение архимандрита Нафанаила циркулярное секретное предписание, адресованное всем сотрудникам консульской службы на Балканах²⁸.

В предписании говорилось: «Мы не можем не принимать живейшего участия в деле Православия и с равнодушием взирать на отпадение от оно-го наших единоплеменников» в латинство и протестантизм. Российским представителям на местах поручалось «следить с неусыпным вниманием за действиями иноверных пропаганд и всеми мерами стараться о под-держании в славянах чувств вековой привязанности их к Православной Церкви». Одним из средств для достижения этой цели предполагались «доверительные объяснения со священниками» с тем, чтобы разъяснить, что «оставлением Православия славяне подвергают неминуемой опасности самую свою народность, которая не устоит при враждебном чужеземном влиянии Запада»²⁹.

Трудно сказать, насколько эффективными в этом «в высшей степени, по словам Л.Г. Сенявина, важном деле» оказались «доверительные внушения» без подкрепления соответствующей дипломатической поддержкой. Но из переписки константинопольского посланника с Азиатским департаментом еще накануне Крымской войны видно, что многие подобные меры оставались безуспешными. «Внушения наши, – писал А.П. Озеров к Л.Г. Сенявину, – теряли силу частью вследствие происков католической пропаганды, частью от подозрительности самого греческого духовенства в отношении к славянам и болгарским церквам»³⁰.

В середине 1860-х гг. католическое влияние усилилось не только на Балканах, но и в турецкой столице Константинополе, где находилась кафедра Вселенского Патриарха. Н.П. Игнатъев отмечал: «С некоторых пор иезуиты нахлынули на Константинополь и завладевают совершенно воспитанием юношества. Не только захватили они детей католиков, но армяне, греки, болгары попадают десятками к ним в руки... Беззаботные турки не замечают, как иезуиты скупают земли, дома и проч. в Константинополе и по Босфору. Через несколько лет с иезуитами здесь не совладаешь и их не выживешь. Удивляться надо их огромным денежным средствам и уменью вести дело»³¹. В ноябре 1866 г. Игнатъев информирует Азиатский департамент о распространении иезуитов в той части Бессарабии, которая по условиям Парижского трактата отошла Молдавскому княжеству, остававшемуся под протекторатом Турции³².

Отмечая заметный рост влияния французской дипломатии на Порту в деле образования Николай Павлович Игнатъев в секретном донесении директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову от 22 июля 1867 г.,

предназначенном «для доклада г. государственному канцлеру», настаивал «обратить внимание Императорского министерства на проявление здесь в последнее время заметно усилившегося покровительства французского посольства и французских агентов образованию турецкого юношества в школах пропаганды католичества»³³.

Если раньше французская дипломатия оказывала покровительство католическим учреждениям, то теперь, по словам Игнатьева, «как французские агенты, так и посольство не скрывают принимаемого ими живого участия в деле привлечения единоверцев наших в латинские учебные заведения» и «не упускают ни одного случая, чтобы торжественно заявить о покровительстве Франции католическому элементу на Востоке»³⁴.

Последствия французской стратегии российский посланник называл «самыми пагубными», поскольку православные, «доведенные до отчаяния самоуправством и злоупотреблениями турецких властей» начинали возлагать надежды на официальное покровительство Франции. По словам Игнатьева, «и теперь уже число желающих отдавать детей в католические учебные заведения, с каждым днем увеличиваясь, угрожает принять самые опасные размеры»³⁵. Так постепенно реализовывалась та католическая программа «духовного завоевания Востока», о которой говорил аббат Лави-жери (*Безобразов, 1909. С. 405*).

Из приведенного обзора можно видеть, что деятельность протестантских и католических миссионеров в том или ином регионе имела очевидные политические цели, а дипломаты великих держав успешно использовали сложную этноконфессиональную ситуацию в Османской империи в своих интересах. И одной из главных целей как Франции, так и Великобритании было вытеснение России из ближневосточного региона и всемерное препятствие росту ее влияния на православное население христианского Востока. Это достигалось формированием антиправославных и, соответственно, антироссийских партий среди правящих и влиятельных слоев населения.

Соответственно, главной задачей России было создание системы контрмер и противовесов в ответ на действия британских и французских дипломатов и покровительствуемых ими миссионеров: в Святой Земле новое развитие получило православное паломничество к святым местам; началось создание инфраструктуры русских учреждений, получивших впоследствии название *Русской Палестины*; осуществлялась материальная и моральная поддержка православных епархий и митрополий; было начато формирование разветвленной консульской сети в турецких вилайетах с целью исправления просчетов докрымской дипломатии, утратившей, по словам В.Н. Виноградова, «в николаевские времена маневренность и гибкость» (*Виноградов, 1991. С. 113*).

Приложение

1. Обращение игумена Болгарского Добровецкого монастыря архимандрита Нафанаила к российскому посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому³⁶. *Яссы, 9 декабря 1860 г.*

Ваше Сиятельство!

Начинание болгарского в Турции народа о высшем духовенстве или о болгарской церковной иерархии стало известно всему свету. Злоупотребления и страсти Цареградского Патриаршества и его архиереев-греков между болгарским народом вывели уже сей народ из терпения.

Миссионерство Западной Церкви и лютеранства берут верх над сим народом своими ложными обещаниями.

Русское константинопольское министерство действует более в пользу фанариотов, а противодействует своим единоплеменным братьям, которые, много раз доказавши и делом свою преданность к России, страдали и оставались и доселе остаются в подозрении у оттоманов под названием Москов-Гявурь.

Этот народ, в отчаянии от таковых действий упомянутого министерства, решается предаться в руки другого несвойственного и противного своего врага, только бы не зреть у себя то турецко-характерное духовенство, которое довело его до той степени.

Теперь судите сами, Ваше Сиятельство, если болгарский народ обнимет папизм или лютеранизм, то не теряет ли Православная Церковь, а Россия приобретает ли что-либо? Напротив, достоверно то, что она теряет если не теперь, то в будущем. И напротив, если болгарскому народу дается просимое им священноначалие, то не приобретает ли и не утверждается ли Православная Церковь? В сем нет сомнения. А Россия теряет ли что-либо? Ничего. Еще более она приобретает.

[...] Покойный государь Николай Павлович в последнем своем политическом начинании одну из главных целей своих имел: ограничить сие турецко-характерное цареградское духовенство, но Господу Богу было угодно передать то и другое Высокому Наследнику его, царствующему ныне государю императору и правительству его.

Ваше Сиятельство! Вера, одноплеменность и человечество задолжают (обязывают) сих последних заботиться о благе и сего одноплеменного им болгарского народа. [...]

АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 75–75 об.

2. Проект секретного предписания директора Азиатского департамента Л.Г. Сенявина³⁷. *С.-Петербург, б. д. [январь 1861 г.]*

Генконсулу в Сербии, консулам в Видине, Сараеве, Мостаре, Скутари, Салонике, Адрианополе, управляющему консульством в Яссе, в Битолии, управляющим вице-консульством в Варне, консульскому агенту в Филлиполе (копии сообщаются посланникам в Вене и Константинополе)

[...] В последнее время до Министерства иностранных дел доходят сведения об усиленных действиях в славянских землях турецких католической и протестантской пропаганды, желающих воспользоваться некоторыми неправильными действиями греческого духовенства и существующим, вследствие того, раздражением между православными славянами, дабы отвлечь последних от веры их предков.

К сожалению, эти происки имели успех в некоторых местах Турции и угрожают дальнейшими бедственными последствиями.

Мы не можем не принимать живейшего участия в деле Православия и с равнодушием взирать на отпадение от оною наших единоплеменников, а потому Азиатский департамент поручает Вам следить с неусыпным вниманием за действиями иноверных пропаганд и всеми мерами стараться о поддержании в славянах чувств вековой привязанности их к Православной Церкви.

Одним из средств к достижению сей цели могут служить доверительные объяснения ваши со священниками, которым вы должны внушать, что в настоящее время, при деятельном участии Русского кабинета, уже приступлено к устранению многих неправильностей, вкравшихся в духовные дела и к удовлетворению справедливых требований славян; можно даже надеяться, что они получают соответствующее участие в высшем духовном управлении; следовательно, в это самое время было бы еще более непροститительно их соотечественникам отступничеством от Православной Церкви лишиться нашего искреннего сочувствия и прервать одну из главнейших связей, существующих между славянскими племенами.

Они должны также уразуметь из ваших слов, что оставлением Православия славяне подвергают неминуемой опасности самую свою народность, которая не устоит при враждебном чужеземном влиянии Запада.

Департамент будет ожидать от вас своевременных и подробных донесений по сему в высшей степени важному делу.

АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 79–81.

3. Выписка из частного письма российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева³⁸. *Пера, 21 декабря 1865 г. / 2 января 1866 г.*

[...] С некоторых пор (не более как с год) иезуиты нахлынули на Константинополь и завладевают совершенно воспитанием юношества. Не только захватили они детей католиков, но армяне, греки, болгары попадают десятками к ним в руки, в особенности армяне-грегориане, не имеющие порядочных школ вследствие ненавистной алчности к деньгам своих богачей.

Беззаботные турки не замечают, как иезуиты скупают земли, дома и проч. в Константинополе и по Босфору. Чрез несколько лет с иезуитами здесь не совладаешь и их не выживешь. Удивляться надо их огромным денежным средствам и уменью вести дело. [...]

АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 91.

4. Донесение Н.П. Игнатьева к директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову³⁹. Константинополь, 25 июля 1867 г.

Секретно.

Нужным считаю обратить внимание Императорского министерства на проявление здесь в последнее время заметно усилившегося покровительства французского посольства и французских агентов образованию турецкого юношества в школах пропаганды католичества.

До сих пор французское посольство и консульские французские агенты ограничивались в этом отношении оказыванием различным учреждениям пропаганды покровительства в пределах неизбежной официальности. Все же усилия пропаганды тщательно прикрывались под фирму частной общественной, а не правительственной инициативы.

Ныне же как французские агенты, так и посольство не скрывают принимаемого ими живого участия в деле привлечения единоверцев наших в латинские учебные заведения. Французский поверенный в делах, присутствуя в мундире на экзаменах в здешних католических учреждениях, лично раздает награды отличившимся ученикам и вообще не упускает ни одного случая, чтобы торжественно заявить о покровительстве Франции католическому элементу на Востоке.

Постоянную угодливостью перед французами турецкие власти усиливают их значение в глазах здешних народонаселений. Надежда на официальное покровительство Франции может иметь самые пагубные последствия на единоверцев наших, доведенных до отчаяния самоуправством и злоупотреблениями турецких властей. И теперь уже число желающих отдавать детей в католические учебные заведения, с каждым днем увеличиваясь, угрожает принять самые опасные размеры, а ввиду этой опасности Вселенская Церковь, лишенная всяких материальных средств и раздражаемая внутренними раздорами и несогласиями, остается почти беззащитною перед могущественными, снабжаемыми большими средствами и неутомимыми происками врагов Православия.

Сообщая Вашему Превосходительству о вышеописанном, для доклада г. государственному канцлеру, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 94–95 об.

- 1 Выдержки из статьи «Епископия Объединенной Церкви Англии и Ирландии в Иерусалиме». Пер. с англ. / Таймс. 17 ноября 1841 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПб. ГА) II-9. Оп. 46. Д. 26. Л. 81.
- 2 Решид Мустафа паша (1800–1858) – османский дипломат и государственный деятель эпохи Танзимата. Несколько раз чередовал посты министра иностранных дел (1837–1838, 1839–1841, 1845–1846, 1853–1856) и великого визиря (1846–1852, 1856–1857).
- 3 Патриарх Анфим VI Куталианос (Иоаннидис; 1782-1877), Патриарх Константинопольский (трижды занимал константинопольскую кафедру: 4.12.1845–18.10.1848; 24.09.1853–21.09.1855; 5.09.1871–30.09.1873). Постриг принял на Афоне; был протосинкелом Деркийской митрополии, затем возглавлял митрополии Серр (с ноября 1829), Прусы (с июня 1833) и Эфеса (с апр. 1837). Во время его последнего патриаршества в Константинополе на большом Поместном Соборе была принята Болгарская схизма. Анфим VI осудил болгарское духовенство и народ за внесение

- «националистического раскола» в Православную Церковь. Оставил кафедру и ушел на покой в связи с обвинением в непоследовательности в отношениях с Болгарской Православной Церковью.
- 4 Кирилл VII (Константин) (3 октября 1855 – 13 июля 1860).
 - 5 Записка российского посланника в Константинополе А.П. Бутенева в министерство иностранных дел. Константинополь, январь, 1858 г. // Институт Рукописей Национальной Библиотеки Украины им В.И. Вернадского. Ф. III. Ед. хр. 6316. Л. 11–11 об.
 - 6 Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.
 - 7 Ibid.
 - 8 Ibid.
 - 9 Ibid.
 - 10 Джуламерк – бывшее армянское, курдское и айсорское название современной турецкой провинции Хаккари на границе Турции и Ирака.
 - 11 Allgemeine Zeitung. [1851] // FO. 352/33. Part 2/9.
 - 12 Адрес американских миссионеров на имя посла Великобритании сэра Стрэтфорда Каннинга по поводу его возвращения в Англию. Константинополь, 27 мая 1852 г. // The National Archives (GB, Kew), FO 352/35. S1401. P. 27.
 - 13 *Влангали А. Г.* Записка «Православие и Россия на Востоке». Январь 1858 г. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 547. Л. 1.
 - 14 Там же. Л. 6 об. – 7.
 - 15 Там же. Л. 2 об.
 - 16 Записка барона Н.Е. Торнау. Август, 1854 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 5–5 об.
 - 17 Там же. Л. 2–2 об.
 - 18 Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 324–325.
 - 19 Записка доктора Робертсона к российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову. Константинополь, 13/25 марта 1842 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Ед. хр. 66. Л. 13.
 - 20 Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к российскому посланнику в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву. Иерусалим, 12 августа 1866 г. // ГАРФ. Ф. 730. П. 1. Ед. хр. 2294. Л. 50–50 об.
 - 21 Там же.
 - 22 Георг I (1845–1913), король Греции в 1863–1913 гг., преемник Оттона I Баварского на греческом престоле. Сын короля Дании Кристиана IX. Был женат на племяннице Александра II Ольге Константиновне.
 - 23 Сороковая статья Конституции 1844 г. гласит, что короли Греции должны исповедовать религию страны. Католическое правительство Баварии не смогло добиться, чтобы эта статья была удалена из Конституции. Три державы-покровительницы – Англия, Россия и Франция – отказались вмешиваться, и этот пункт оставался источником постоянного беспокойства.
 - 24 Письмо Дж. Валерги викарию. Иерусалим, 25 июля 1852 г. // Архив министерства иностранных дел Австрии (Константинополь). VII/10. Д. 158. Л. 3.
 - 25 Донесение посланника в Константинополе В.П. Титова к директору Азиатского департамента Л.Г. Сенявину. Константинополь, 11 декабря 1844 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 7–11.
 - 26 Выписка из донесения генерального консула в Адрианопле Г.В. Ващенко к посланнику в Константинополе В.П. Титову. Адрианополь, 30 декабря 1847 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 17–18.
 - 27 Обращение игумена Болгарского Добровецкого монастыря архимандрита Нафанаила. Яссы, 9 декабря 1860 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 75–75 об.
 - 28 Проект секретного предписания директора Азиатского департамента Л.Г. Сенявина. С.-Петербург, б.д. [январь 1861 г. (ответ на обращение болгарского игумена (9 декабря 1860 г.)). // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 79–81.
 - 29 Там же.
 - 30 Отношение А.П. Озерова к Л.Г. Сенявину. Пера, 14 апреля 1852 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 21 об.
 - 31 Выписка из частного письма Н.П. Игнатьева. Пера, 21 декабря 1865 г./2 января 1866 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 91.
 - 32 Донесение посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева к директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову. Константинополь, 22 ноября 1866 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 92.

- ³³ Донесение Н.П. Игнатъева к П.Н. Стремоухову. Константинополь, 25 июля 1867 г. // АВП РИ. Ф. 161 (СПбГА II-9). Оп. 46. Ед. хр. 17. Л. 94–95 об.
- ³⁴ Там же. Л. 94–94 об.
- ³⁵ Там же. Л. 94 об.–95.
- ³⁶ Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, дипломат. Поверенный в делах (1858–1859), затем чрезвычайный посланник в Константинополе (1859–1863 и 1878–1879); посол в Лондоне (1879–1882), Вене (1882–1895); с февраля 1895 г. министр иностранных дел.
- ³⁷ Сенявин Лев Григорьевич (1805–1862) – управляющий Азиатским департаментом министерства иностранных дел (1837–1841), директор департамента (1841–1848), товарищ министра иностранных дел (1850–1856).
- ³⁸ Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, дипломат, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета, церковно-политический деятель на православном Востоке. С 1864 г. по 1876 г. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Турции. Член советов Императорских Русского географического и Православного Палестинского обществ.
- ³⁹ Стремоухов Петр Николаевич (1823–1885), русский дипломат и государственный деятель, в 1864–1875 гг. директор Азиатского департамента МИДа.

Литература

- Аничкова В.Н. Французские католические миссии на Востоке. II. Палестина // Сообщения ИППО. 1906. Т. XVII. Вып. 3.
- Барталь И. Иерусалим в конце османской эпохи: между обновлением и застоём // Иерусалим в веках. Ч. 9. Иерусалим, 1998.
- Безобразов П.В. Инославная пропаганда в Палестине и Сирии // Сообщения ИППО. 1909. Т. XX. Вып. 3.
- Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.
- Дмитревский Д.С. Латинская уния в Палестине // Полтавские епархиальные ведомости. 1898. № 18.
- Колюбакин А.М. Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции // Известия Кавказского отдела Русского Географического Общества. Т. IX. Вып. 1. Тифлис, 1887.
- Макарий (Шамман), митрополит Амидский. Послание в Св. Синод. Константинополь, 1 августа – 1 сентября 1851 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 106. М., 2008.
- Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Политология: хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. 723–737.
- Муравьев А.Н. Записка о состоянии Православной Церкви на Востоке. М., 1914.
- Попов А.П., протоиерей. Европейские учреждения в Иерусалиме и его ближайших окрестностях // Христианское Чтение. 1890. № 5–6.
- Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894.

Путята Д.В. Записка о Малой Азии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 66. СПб., 1896.

Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М.: Наука, 1991.

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015.

Титов Ф.И., прот. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель русской духовной миссии в Иерусалиме. Очерк из истории русской духовной миссии в Иерусалиме. Киев, 1902.

Феофан (Говоров), архимандрит. Письмо к архиепископу Иннокентию. Константинополь, 9 марта 1857 г. Труды Киевской духовной академии. 1895, май.

Халфин Н.А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М.: Издательство Восточной литературы, 1958.

Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле / Сост. Н.Н. Лисового. М. – СПб., 2011.

Farah R. Evangelical Missions and Churches in the Middle East. V.2. Palestine and Jordan // Christianity: A History in the Middle East, ed. Habib Badr. Lebanon: The Middle East Council of Churches. 2005.

Hill J. H. The letter to The Spirit of Missions. Athens, 18th May 1863 // The Spirit of Missions. Vol. 28. 1863.

[Jomini A.G.] Diplomatic Study on the Crimean War. London: W. H. Allen, 1882. V. 1.

Tibawi A.L. British Interests in Palestine. 1800-1901. A Study of Religious and Educational Enterprise. Lnd, 1961.

Williams G., Willis R. The Holy city: Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem. London, Cambridge, 1849. Vol. 1.

Irina Smirnova

*PhD (history), senior researcher of the Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences*

Address: 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow, Russian Federation.

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

The confessional policy of the great powers in the Christian East in the 50's–60's XIX century

In the article on the materials of Russian archives and foreign archives, the goals and methods of the work of Catholic and Protestant missionaries in the Christian East in the context of the competition of great powers in the middle of the 19th century were considered. Particular attention is paid to the activities of British and French diplomats in the Ottoman Empire, who used the missionary movement as an effective instrument of foreign policy. A study of the analytical reviews of Russian diplomats submitted to the Ministry of Foreign Affairs allows us to conclude that the key role in European diplomacy in the Middle East in the mid-19th century belonged to the British Ambassador at Port, Sir Stratford-Canning, who, assessing the importance of the confessional factor in the Christian East, acted primarily through church channels. The British consular network headed by him in the Ottoman Empire for organization and efficiency of work in many respects surpassed the system of Russian diplomatic missions. The principles and approaches of such well-known missionaries in the Christian East as Bishop Samuel Gobat, pastor John Hill, Latin Patriarch Giuseppe Valga, whose goal was to promote the political interests of their powers, was also considered. The main means for achieving this was the schooling of the Orthodox population under the leadership of heterodox missionaries. Russia's response to the missionary activity of the Western powers was the development of Russian ecclesiastical and diplomatic presence in the region.

Keywords: the missionary movement, Anglo-Prussian episcopacy in Jerusalem, Latin Patriarchate in Jerusalem, the embassies of Great Britain and France in Constantinople

References

Anichkova V.N. Frantsuzskie katolicheskie missii na Vostoke [French Catholic missions in the East]. *Soobshcheniia IPPO – IOPS Reports*, 1906, vol XVII, no 3. (In Russian).

Bartal' I. Ierusalim v kontse osmanskoi epokhi: mezhdou obnovleniem i zastoem [Jerusalem in the late Ottoman era: between renewal and stagnation]. *Jerusalem in the ages*, vol. 9, Jerusalem, 1998. (In Russian).

Bezobrazov P.V. Inoslavnaia propaganda v Palestine i Sirii [Non-Orthodox propaganda in Palestine and Syria]. *Soobshcheniia IPPO – IOPS Reports*, 1909. Vol 20, no 3. (In Russian).

Vinogradov V.N. *Britanskii lev na Bosfore* [British Lion on the Bosphorus]. Moscow, 1991. (In Russian).

Dmitrevskii D.S. Latinskaia uniiia v Palestine [Latin Union in Palestine]. *Poltavskie eparkhial'nye vedomosti – Poltava diocesan lists*, 1898, no18. (In Russian).

Koliubakin A.M. Deiatel'nost' protestantskikh missii v severo-vostochnoi chasti aziatskoi Turtsii [Activities of Protestant missions in the north-eastern part of Asian Turkey]. *Izvestiia Kavkazskogo otdela Russkogo Geograficheskogo Obshchestva – News of the Caucasian department of the Russian Geographical Society*, Tiflis, 1887, vol 9, no 1. (In Russian).

Makarii (Shamman), mitropolit Amidskii. Poslanie v Sv. Sinod. Konstantinopol', 1 av-gusta – 1 sentiabria 1851 g. [Message to the Holy Synod. Constantinople, August 1 - September 1, 1851]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik – Orthodox Palestine collection*, 2008, no 106. (In Russian).

Makkinder Kh. Dzh. *Geograficheskaia os' istorii* [Geographical axis of history]. Moscow, Gardariki, 2000, pp. 723-737. (In Russian).

Murav'ev A.N. *Zapiska o sostoianii Pravoslavnoi Tserkvi na Vostoke* [A note on the state of the Orthodox Church in the East]. Moscow, 1914. (In Russian).

Popov A.P., protoierei. Evropeiskie uchrezhdeniia v Ierusalime i ego blizhaishikh okrestnostiakh [European institutions in Jerusalem and its immediate vicinity]. *Khristianskoe Chtenie – Christian Reading*, 1890, no 5-6. (In Russian).

Porfirii (Uspenskii), episkop. *Kniga bytiia moego* [The book of my being]. SPb, 1894, vol 1. (In Russian).

Putiata D.V. Zapiska o Maloi Azii [A note on Asia]. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i stati-sticheskikh materialov po Azii – MinorCollection of geographical, topographic and statistical materials on Asia*, 1896 no 66. (In Russian).

Siriia, Livan i Palestina v opisaniakh rossiiskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i vo-enykh obzorakh pervoi poloviny XIX v. [Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, consular and military reviews of the first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russian).

Smirnova I.Iu. *Rossii i Angliia v Sviatoi Zemle v kanun Krymskoi voiny* [Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War]. Moscow, In-drik Publ., 2015. (In Russian).

Titov F.I., prot. *Preosviashchennyi Kirill Naumov, episkop Melitopol'skii, byvshii nastoiatel' russkoi dukhovnoi missii v Ierusalime. Ocherk iz istorii russkoi dukhovnoi missii v Ierusalime* [His Eminence Kirill Naumov, Bishop of Melitopol, former rector of the Russian spiritual mission in Jerusalem. An essay from the history of the Russian spiritual mission in Jerusalem.]. Kiev, 1902. (In Russian).

Feofan (Gorovov), arhimandrit. Pis'mo k arkhiepiskopu Innokentiiu. Konstantinopol', 9 marta 1857 g. [Letter to Archbishop Innokentiy. Constantinople, March 9, 1857]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii – Proceedings of the Kiev Theological Academy*, 1895, may. (In Russian).

Khalfin N.A. *Nachalo amerikanskoi ekspansii v stranakh Sredizemnomor'ia i Indiiskogo okeana* [The beginning of American expansion in the countries of the Mediterranean and the Indian Ocean]. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury Publ., 1958. (In Russian).

Khitrovo V.N. *Pravoslavie v Sviatoi Zemle* [Orthodoxy in the Holy Land]. Moscow – SPb, 2011. (In Russian).

Frarah R. *Evangelical Missions and Churches in the Middle East*. V.2. Palestine and Jordan. *Christianity: A History in the Middle East*, ed. Habib Badr. Lebanon, The Middle East Council of Churches, 2005.

Hill J. H. *The letter to The Spirit of Missions. Athens, 18th May 1863*. The Spirit of Missions, 1863, vol 28.

Jomini A.G. *Diplomatic Study on the Crimean War*. London, W.H. Allen, 1882, vol 1.

Tibawi A.L. *British Interests in Palestine. 1800-1901*. A Study of Religious and Educational Enterprise. London, 1961.

Williams G., Willis R. *The Holy city: Historical, topographical, and antiquarian notices of Jerusalem*. London, Cambridge, 1849, vol 1.